Дмитрий Володихин

«Русский апокалипсис» понарошку и всерьёз

Часть сборника
Настоящая фантастика – 2013 (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Это очень печальная статья. Побочным эффектом её прочтения у восьми человек стала тяжёлая депрессия, у четверых – суицид, у троих – расстройство желудка, а один даже приобрёл жестокую чесотку. Может, сразу отложить её и почитать что-нибудь другое? С такими вещами не шутят.

Я предупредил.

Ещё три-четыре года назад фантасты, бравшиеся за футурологическую тему, предлагали читателям немало поводов для оптимизма. На разные лады звучало: «У нас есть будущее! У нас есть надежда!» И не только у всего мира, но и у отдельно взятой страны России.

А года два назад поднялась волна «футурологии со знаком минус». Катастрофы, революции, деградации, «смертная тоска» и прочая погибель. Грустно: дефицит позитивной картинки русского будущего – налицо…»

- Дмитрий Володихин

Дмитрий Володихин
«Русский апокалипсис» понарошку и всерьёз

Господа и ребята!

Это очень печальная статья. Побочным эффектом её прочтения у восьми человек стала тяжёлая депрессия, у четверых – суицид, у троих – расстройство желудка, а один даже приобрёл жестокую чесотку. Может, сразу отложить её и почитать что-нибудь другое? С такими вещами не шутят.

Я предупредил.

Ещё три-четыре года назад фантасты, бравшиеся за футурологическую тему, предлагали читателям немало поводов для оптимизма. На разные лады звучало: «У нас есть будущее! У нас есть надежда!» И не только у всего мира, но и у отдельно взятой страны России.

Столь заметные вещи, как «Се, творю» Вячеслава Рыбакова (2010), «Симбионты» Олега Дивова (2010) и «Война 2020» Сергея Буркатовского (2009), представляют собой образцы футурологии «со счастливым концом». Иначе говоря, в духе «есть свет в конце тоннеля». Их обсуждали горячо, с верой: да, нам ещё есть на что опереться. Выкарабкаемся, не впервой! И даже жутковатые алармистские повести Игоря Пронина «Путешествие в Гритольд» (2009) и Эдуарда Геворкяна «Чужие долги» (2009) выглядел как предупреждение, но не как приговор.

А года два назад поднялась волна «футурологии со знаком минус». Катастрофы, революции, деградации, «смертная тоска» и прочая погибель. Грустно: дефицит позитивной картинки русского будущего – налицо. Сценарии с благополучным «выходом из тоннеля» в нашей фантастике практически не появляются. Свет пропал из конца бетонной трубы… А если выходит роман с тремя крохами надежды в трюмах, то его просто не замечают.

Тема конца света – локального и всеобщего – сфокусировала на себе внимание как фантастов, так и их читателей.

Речь идёт не о посткатастрофном антураже, коим наполнены «сталкерные», «анабиозные» и «метрошные» романы. Ржавь, стреляные гильзы, мужики в противогазах, подземелья, радиация и всюду калашники, калашники, калашники… Можете представить себе тридцать пять тысяч одних калашников!

Это всё, знаете ли, «апокалипсис понарошку». После

очередного раунда конца света декорации снимаются, проходят плановый ремонт, а затем монтируются по новой, в слегка переработанном виде. Читая про мужика в противогазе и с калашником, никто не воспринимает постапокалиптическую «картинку» всерьёз. Игра, не более того.

Когда очередной апокальщик вызывает к жизни привычную картинку очередной «зоны» с привычным квестовым сюжетом – группа приключенцев кого-то спасает, заодно становясь миллионе… миллиарде… триллионерами! – это всего лишь попытка поиграть на всем знакомой эмоции. Дескать, скучно живём, распорядок суров, в карманах нищета. Так вырвемся же, братие, за пределы общего закона! Накуролесим, постреляем, заработаем, любовька опять же яркая случится…

Иначе говоря, эстрада от фантастики. Громко, смачно и… совершенно не страшно. Конец света, light версия.

Но вот в фантастике, а также близких ей форматах мейнстрима появляется целый каскад текстов, где приближение конца света или его осуществление становится в центр действия. И совершенно неважно, каков антураж. Важно другое: глобальное «схлопывание» старого мира во множестве разных вариантов представлено как ближайших пункт повестки дня. Никаких игр! Приобретайте саваны загодя.

Первая ласточка – Захар Прилепин, роман «Чёрная обезьяна» (2011). Серьёзная страшная вещь. Общий смысл: мы обросли грехами, освинели, оскотинились, по грехам своим Россия пропадает и вконец пропадёт. Весь мир развращённых взрослых падёт под ножами детей, генетически не умеющих различать добро и зло.

Главного героя, журналиста, создателя «политических романов», допускают в тайную лабораторию некой правительственной спецслужбы. Там ему показывают несколько жутковатых детишек-недоростков». Они «…разговаривают какой-то странной речью, будто птичьей, только некоторые слова похожи на человеческие». Малыши считаются более опасными, чем маньяки-душегубы и полевые командиры террористических банд. А им всего-то от шести до девяти лет… Их отличие от обычных детей в физиологическом плане ничтожно: повышенный уровень стрессовых гормонов, высокая активность в области миндалин и передних отделов гиппокампа, отсутствие молекул окситацина… Всё. Внешне – никакой разницы. В силу непонятных причин (скорее всего, массового генетического отклонения) они совершенно равнодушны к остальным людям – помимо себе подобных. У них полностью утрачена способность плакать. По словам изучающего «недоростков» профессора Скуталевского, они

«… не просто не имеют, но и со временем не приобретают представлений о зле и… грехе… При случае они будут убивать без любопытства и агрессии… сделают это как нечто естественное».

И «недоростки» убивают. Для начала журналист расследует, как они умертвили жителей целого подъезда, а заодно и двух милиционеров в провинциальном городе Велемире.

Прилепин далёк от идеи о рождении нового вида на планете Земля. Концепты homo super и люденов какого угодно сорта нимало не волнуют его. Две вставные новеллы о «недоростках», совершающих массовые убийства, отнесены к Африке 1980-х и… вообще к какому-то «параллельному миру», представленному как «пример из истории». «Детки из клетки» вовсе не являются порождением нашего времени. Тут, скорее, мистика, нежели НФ. Прилепин не забывает напомнить, что в России только официально зарегистрировано более двух миллионов сирот, которых никто никогда не усыновит и не удочерит. Но эта громадная беспризорность вовсе не является питательной средой для появления чудовищных «недоростков». Скорее, она представляет собой такой же результат зарастания нашего мира грехом, злом, скверной, как и рождение детей-киллеров в массовом порядке. Они, в сущности, – нечто вроде Бича Божьего. И когда чаша грехов переполняется, страшные «недоростки» обрушиваются на города, народы и страны, подобно безжалостной саранче губя то, что сгнило на корню.

Автор «Чёрной обезьяны» рисует Россию нашего времени тёмными красками. Всеобщее озверение, опустевшие села, грязь, бессмыслица, уголовщина, несправедливость. Что ни возьми, всё моментально оборачивается трухой. И даже семья – последняя крепость, оставшаяся человеку, – рассыпается в мелкую крошку после того, как главный герой начинает изменять своей жене. Он чувствует, что живёт в большом социальном аду, накрывшем страну помимо его воли, да ещё и в маленьком персональном аду, сотворённым по собственному хотению…

«Сынок, это ад, – сказали мне. – Ты в аду, сынок».

С первых страниц в романе появляется мотив: «Когда всё это кончится?» Далее: «Давайте скажем прямо… Разве было бы плохо, если бы нас всех извели?.. И к этому всё идет, разве нет?» Наконец, потаённые мысли главного героя высказывает ему в лицо обезумевшая от измены жена: «Кто-нибудь пришёл да и убил бы нас всех». Центральный персонаж не боится «регионального апокалипсиса» и даже хотел бы приблизить финал. Утратив надежду, он стекленеет душой, становится живым мертвецом…

Нигде, ни в одной строчке не указан выход из этой ситуации. Разве только воспринимать всю книгу как один большой совет: хорошо бы всему народу переменить образ мыслей и действий. Тогда, возможно, проскочим.

Но надежды мало.

«Русские сумерки» Олега Кулагина (2011) по «декорациям» максимально приближены к реальности С.Т.А.Л.К.Е.Ра: растущие зоны, чудовищные мутанты, драгоценные артефакты… Порой возникает ощущение, что автор не успел к скончанию сталкерной серии и срочно перепрофилировал книгу. Вот только всем этим предметам боевикового обихода придан легко считываемый политический смысл. Вампиры, мутанты и прочая нечисть окопались наверху, превратились в политическую элиту страны. Они – чужие во всех смыслах слова, а не только в идейном. Это другой вид, представители которого продают, предают и убивают нормальных людей с возрастающей быстротой. Вся Россия скоро будет как одна сталкерная зона. Олег Кулагин предлагает выход, но весьма «узкий»: крепить сопротивление, строить русские анклавы. Там ещё возможна какая-то жизнь, какая-то свобода.

Очень хорошо видно, что автор оставил минимальный зазор между реальностью своего фантастического мира и реальностью-1 современной России.

Как ни странно, об этом же «Мы, народ» Андрея Столярова (2011, имеется в виду книга, а не одноименный рассказ, вошедший в неё как составной элемент). Хотя вещь, по большому счёту, – плод совсем другого мировидения.

Шторм сметёт весь мир. Чудо, мистика позволят… маленькому анклаву чистой, незамутнённой России пересоздать страну, а то и всё человечество. Но это потом. А стартует сюжет с общего состояния России «всё очень плохо» и «кажется, вот он, локальный апокалипсис». Мистическая «революция» становится возможной лишь к концу книги. Если же брать только рассказ «Мы, народ» (из коего выросла книга), то там смысл проще: та Россия, которую мы все знали, исчезает на глазах, её точно не будет и очень скоро.

Роман выглядит как производная от столяровского же футурологического трактата «Звёзды и полосы». Это слегка беллетризированный сценарий разрушения США, падения правительства в России и вторжения принципиально нового устройства мира из будущего в настоящее. Но, знаете ли, сначала «до основания мы разрушим», а уж потом «новая земля и новое небо»… если получится.

Миниатюра Дмитрия Куренкова «Счастливый человек» (2012) повествует о том, как Россия стала нищей колонией

евроатлантического мира. Тут просто нечему возрождаться. Отсутствует даже память, что была какая-то доколониальная реальность, которую можно реставрировать. Народ деградировал окончательно и бесповоротно.

На страницах «S.N.U.F.F'а» Виктора Пелевина (2012) действие перенесено в далёкое будущее. Во всем мире осталось два государства: вонючий примитивный угнетаемый Уркаганат (обобщённый образ Украины и России), а также свихнувшийся на деньгах, новостях и гламуре угнетатель-Бизантиум (обобщённый образ евроатлантической цивилизации). Ни у первого, ни у второго нет будущего. Криминальный Уркаганат так и будет погрязать в дерьме, а либеральный Бизантиум рухнет под тяжестью собственного идиотизма, да ещё гнева, идущего снизу. В романе разворачивается предпоследняя стадия апокалипсиса этой двоицы.

Выход для несчастных жителей Уркаганата и Бизантиума есть, но тоже до крайности «узкий». Это руссоистская цивилизация без электричества, зато на природе и со всяческой простотой отношений. Люди будут любиться на полянах, да-да.

И, наконец, «Шестой моряк» Евгения Филенко (2011) – по внешней видимости последняя часть романа с тем же названием, а на самом деле самостоятельная повесть или, вернее, повесть-эссе.

Предложенный пермским фантастом формат конца света, пожалуй, самый безнадёжный и в то же время самый оригинальный изо всех перечисленных: «Этот мир угасал… Никаких приблудных астероидов из космоса. Никаких разломов планетарной коры, фонтанов лавы, сорвавшихся с цепи волн-убийц. Никаких Годзилл – всё, что могло сойти за гигантскую тварь, мирно дремало на океанском дне и восставать в полный рост явно не собиралось… Просто время этого мира заканчивалось, и он засыпал как смертельно больное животное. Но засыпал он медленно, и поэтому ходили поезда, кое-где горел свет, и можно было раздобыть провизию без риска для жизни».

Засыпание, непобедимая усталость, бесконечная печаль… Выражаясь языком Шопенгауэра, утрата воли к жизни. «Смертная тоска охватит каждого человека и в печали своей предастся он мыслям о собственной никчемности и незначительности перед высшими промыслами». А «смертная тоска» накладывается на глубоко скрытую в человечестве тягу к самоубийству. Устами одного из второстепенных героев Филенко разъясняет читателю: «Суицидальное поведение всегда было присуще человеческому роду… Создаётся впечатление, будто человек изначально тяготился своим пришествием на эту симпатичную планету».

Не столь важно, что в основе этой «смертной тоски» – волновое угнетение психики, охватившее весь мир в результате научного эксперимента одной богатой секты. Отнюдь не чёрным чудесам науки посвящена книга. Автор романа, скорее, настроен всерьёз поговорить о том, что мир постарел, посерел и обрюзг. А значит, пора ему уходить. Даже как-то задержались… Техногенная катастрофа – всего лишь предлог для последней точки в конце последней фразы.

«Ну да, тихий неотвратимый апокалипсис, – словно говорит читателям автор, – а что тут особенно переживать? Человеческая цивилизация ничего особенного не создала. Жизнь скучна. Без бухла вообще не житьё. Даже самые хорошие женщины не вечны, а их, самых хороших, мало, чаще – тупые ведьмы или просто тупые». Хаос, свинство, позор. Отдельные островки смысла и творчества тонут во всеобщем раздолбайстве. Что тут жалеть? Тот же второстепенный герой оценивает современное состояние человечества с беспощадной прямотой: «Мы превратились в аморфную, бесполую, бессильную массу. В сообщество разрозненных потребителей информации. А ты говоришь – останавливать собственных палачей! Мы давно уже потребители, а не деятели… Наверное, мы заслужили такое обращение…»

Так что уж лучше… всё под корень. И Россию, и с нею весь мир.

Но для начала Филенко, книгу коего напечатали чуть раньше «S.N.U.F.F'a», предложил: может, попробуем руссоистскую цивилизацию без электричества, зато к природе поближе? Но устами одного из персонажей решительно ответил на это предложение: вот уж дудки! Без Интернета – лучше сразу в гроб.

Это ещё далеко не все авторы, за последние два-три года взявшиеся нешуточно размышлять о конце света. Целый залп таких романов и рассказов оставляет тяжёлое впечатление. Всё в гроб да в гроб. Или, в крайнем случае, предлагается столь узкий лаз наружу, что, пробираясь по нему, страна обдерёт себе рёбра до крови. Мне скажут: это цикл такой. Скоро начнут писать светлое и многообещающее. Отлично! Вот когда оный «цикл» завершится, тогда и поговорим. А пока аргумент цикличности выглядит как попытка заразить оптимизмом участников похоронной процессии.

Чем можно объяснить необычайную популярность темы «Апокалипсис всерьёз»? Это ведь не мода, это нечто более глубокое.

Конечно, можно было бы свалить на «кризис среднего возраста». Должно быть, он разом наступил у целого поколения. Ещё три-четыре года назад оно держалось молодцом и строило

планы на вечность, а теперь сдулось, устало. И, устав на своём маленьком островке, приписывает, навязывает депрессию всему миру – по крайней мере, всей России. А у людей просто фатальная проблема невостребованности…

Но перечисленные писатели относятся не к одному, а к разным поколениям. Андрей Филенко и Андрей Столяров родились в первой половине 50-х, а Прилепин и Кулагин – в 70-х. Разница между младшим и страшим составляет четверть века. К тому же о какой «невостребованности» можно говорить в отношении Пелевина? Прилепина? Да хотя бы и Столярова, постоянно фигурирующего в кругах, связанных с политическим моделированием?

Тогда, возможно, всё дело в кризисе традиционной книги и, может быть, шире – кризисе традиционной литературы с её обязательным стремлением не только «развлечь», но и «научить», завести разговор на «вечные темы»? Вот уж вряд ли. На дворе у нас то ли десятый, то ли сотый кризис литературы, но в стране, по неполным данным, 20 000 писателей, поэтов, критиков и публицистов. Многие ли из них громогласно сообщают городу и миру о нежелании творить, раз кругом такой кризис?

Возможно, ощущение непробиваемого тупика или, может быть, тупика, пробиваемого какой-нибудь отчаянной зубодробильной революцией, создалось из-за предчувствий новой волны большого кризиса? Там и сям пишут о необходимости обзаводиться «буржуйками», делать запасы крупы и макарон, закупать консервы, делать «схроны» в лесу. Дескать – скоро грянет! Обязательно. Не сегодня, так завтра. Готовьтесь. Экономисты говорят: «От старого мира ничего не останется». Политики комментируют: «Мы даже представить себе не можем, как будет выглядеть новый мир».

Вот тут уже, как говорится, «теплее».

Наш русский писатель, а особенно писатель-фантаст – невероятно чуткий барометр, откликающийся на те страхи, надежды и мечтания, коими полнится общество. Хороший литератор – настоящий человек-измеритель, питающийся лучами коллективного бессознательного. Этот ходячий прибор чувствует «зашкал» задолго до того, как градус беспокойства поднимется до критических величин. И редко ошибается… к сожалению. Потому что радужные эмоции он «ловит» до крайности редко, а в скверных предчувствиях оказывается прав до крайности часто.

То, что подцепили перечисленные выше писатели, очень трудно определить в четких формулировках, рационально. Скорее, речь может идти о весьма сильном ощущении – расплывчатом, но устрашающем.

В двух словах его можно описать следующим образом: *мелко и холодно* .

Второе, допустим, понятно. Из-под двери будущего сквозит холодом. Мороз ещё не сбывшегося пробирает до костей. Отчего? Да слишком много думают и говорят о том, что там, в «прекрасном далёко», сохранится лишь ничтожная толика *человеческого* – того, чем жил мир на протяжении нескольких тысячелетий городской цивилизации. Нынче непрестанно борются между собой два мировидения – либерально-прогрессистское и консервативно-почвенническое. Но, видимо, ни одно из них не возобладает, а будет нечто третье, вообще слабо связанное с возможностью сохранить суть человека и полноценную культуру его. Грядущее, кажется, не очень заинтересовано в… людях – если прикладывать к людям традиционное понимание этого слова, а не что-нибудь, невозвратно стирающее нас и на нашем месте малюющее принципиально новую сущность. Кризис когда-нибудь кончится. Не он страшен: как-нибудь перетерпим! Однако не обернутся ли его конечные стадии начальными фазами этой ужасающей трансформации в нечто не-человеческое? Мета-, супер-, транс-… но прежде всего именно не-человеческое.

Оттого-то и холодно. Оттого-то и зябко. Словно стоишь на отмели, и в ботинки наливается ледяная вода, а за воротник непрошеным гостем пролезает ледяной ветер.

Но почему ещё и мелко?

Да из-за того, что новый мир, кажется, не хочет принимать интеллектуальную жизнь старого мира во всей её пестроте и сложности. Происходит стремительное упрощение и уплощение всего и вся. Всё строится в ровные ряды, всё пакуется в брикеты со стандартизированными наклейками, всё загоняется в рамки «конфекции». Высокие смыслы убавляют в росте, сгибаются, мельчают. Глубины обращаются в ровные места, омуты заиливаются.

Улавливая черты нечеловеческого будущего, фантаст чувствует: нас ожидают очень интересные эксперименты над нами, только общество их не хочет. Люди их опасаются. Когда всерьёз повеяло эпохой метагомов, люди стали осторожнее открывать дверь своего дома и приглашать того, кто за нею стоит, зайти.

Писатель всегда один. Он боится, и он чётко понимает, что в одиночку может лишь прокричать об опасности, но не остановить её. А потому, отчаявшись, плодит чёрные апокалиптические сны. Ему так удобнее – чисто психологически.

Но… это именно писатель. Он трусит сильнее прочих,

поскольку у него и воображение развито лучше, чем у «молчаливого большинства».

Зато человечество в целом – далеко не столь нервная особа, как фантазёр-фантаст. Когда за ним придут, оно, быть может, не станет покорно отмыкать засовы, а отправит визитёров по другому адресу. Очень дальнему.

Есть такая надежда…

А потому не стоит торопить конец света. Даже мысленно.